

*Татьяна КАЩЕНКО,
Аркадий ЛАПШИН,
Яна СТРЕЛЬЦОВА,
Ольга ШАКИРОВА*

Левые партии; от прошлого к будущему

О состоянии левого движения в странах бывшего «реального социализма» высказываются подчас противоположные суждения. И, естественно, без анализа его места и влияния нельзя дать адекватную оценку общественно-политическим процессам в Восточной Европе.

Но прежде всего необходимо ответить на вопрос: какие движения, течения и партии можно считать левыми?

ПРИЗНАКИ "ЛЕВИЗНЫ"

Как известно, классификация идеологий слева направо ведет свою историю с заседаний Французской национальной ассамблеи в 1789 г., на которых по разные стороны от спикера располагались консерваторы, выступавшие за сохранение монархии (справа), и радикалы, отстаивавшие идеи всеобщего равенства (слева); умеренные же занимали места в центре. Традиции, согласно которым консерваторов, реакционеров относят к правым движениям, а радикально настроенных революционеров — к левым, дожили до наших дней. Так, английский психолог Г. Д. Эйсенк считает, что, действительно, различные политические идеологии можно расположить по оси слева направо, и тогда получается следующая схема: коммунисты и социалисты (радикальный лагерь) — либералы — консерваторы — фашисты. Но тут возникает вопрос: а если взять иное измерение, например «авторитаризм — демократия»? В этом случае получится уже иная схема. В одном лагере окажутся коммунисты и фашисты, в другом — консерваторы, в третьем — либералы. Это говорит об относительности критериев, с которыми мы подходим к анализу политической жизни.

В советском массовом сознании политические силы и движения, сменившие коммунистов у власти, воспринимаются как участники общедемок-

---

Кащенко Т. Л.— кандидат философских наук, научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) АН СССР.

Лапшин А. О.— кандидат исторических наук, заместитель заведующего отделом ИМЭПИ АН СССР.

Стрельцова Я. Р.— кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИМЭПИ АН СССР.

Шакирова О. В.— кандидат исторических наук, научный сотрудник ИМЭПИ АН

ратического процесса разрушения деспотической системы и относится к левоцентристскому или леворадикальному направлению. В свою очередь, коммунистически ориентированные движения общественным сознанием зачисляются на правый, консервативный фланг. Такая классификация политических течений особенно точно воспроизводит общественно-политическую ситуацию в Советском Союзе. Получается, что те политические силы, которые борются с посттоталитарными структурами власти, самим фактом борьбы получают место на левом фланге. В свою очередь, противников радикальной модернизации справедливо называют консерваторами. По этому раскладу И. Полозков в нашей системе координат получает такое же определение «консерватор», как и, например, М. Тэтчер в Англии.

Я не оспариваю правомерность данной логики. Она исторически сложилась и своей укорененностью в массовом сознании приобрела статус нормативного ориентира. Вместе с тем следует учитывать, что это отечественная «социалистическая» логика и потому к ней необходимо относиться так же, как к «социалистической» физике или «коммунистической» информатике. Совершенно очевидна ее принадлежность к духовно-мировоззренческому самосознанию ультралевого тоталитарного общества, генезис которого связан с исторической судьбой России в XX веке.

Сильной стороной аутентичной «домашней» классификации политических сил является, по-видимому, ее точная адресность, указывающая на совершенно особую группу стран, еще недавно относимых к мировой системе социализма. Но одновременно эта «внутренняя» идентификация политических явлений имеет и свои ограничения. Они проявляются каждый раз, когда содержание общественных процессов в странах административно-деспотического социализма пытаются определить в более широких теоретических категориях. Происходит мгновенная трансформация оценок, как только приверженец марксистского фундаментализма оказывается за пределами посттоталитарного общества. Он сталкивается с иной политической реальностью, в которой его нормативная ниша оказывается занятой. Он не вписывается ни в консервативную, ни в либерально-демократическую, ни в левую шкалу идеологических ценностей в общемировом их понимании.

Следовательно, та шкала оценок, которая широко применяется в нашей стране, не работает за ее пределами. Поэтому перед исследователем неизбежно встает эвристическая дилемма: или использовать в своем анализе элементы отечественного массового сознания (понимая заранее их условность и ограниченность), или попытаться сформировать свой альтернативный подход. Мы выбрали второй путь и в качестве рабочей схемы использовали следующую классификацию всего спектра левых сил в посткоммунистических обществах:

— *ультралевые (небольшевистские) партии и движения*, отстаивающие социалистические идеи на основе неприкосновенности марксистско-ленинского мировоззрения. *Марксистско-ленинский фундаментализм* — так, очевидно, можно охарактеризовать идеологический каркас этого направления;

— *традиционные левореформистские, социалистические и социал-демократические течения*;

— *новые политические движения левоподобного типа*. В значительной степени они представляют собой так или иначе трансформированные государственные партии коммунистического типа. Характер их модификации в странах Восточной Европы, безусловно, различен. Оценивая эти политические образования, всегда следует видеть два слоя их функционирования. Первый — собственно идеологический, второй — реальная деятельность в качестве элементов власти.

Именно последняя, третья, группа движений и партий являет собой исключительное своеобразие посттоталитарного периода в восточно-европейском регионе. Свойственная этим силам социальная мимикрия позволяет определять их как квазилевые, или псевдoleвые. Базой всей этой группы политических движений является маргинализация значительных слоев общества и формирующийся на ее основе ультралевый популизм. Его массовый характер связан с наследием тоталитаризма, а укорененность отражает глубокую деформацию социальной структуры стран, десятки лет пытавшихся найти пути развития, исключая рыночные механизмы, политический плюрализм и разделение властей. Поэтому нельзя считать ультралевый популизм лишь каким-то духовно-политическим сегментом посттоталитарного общества. Его укорененность в повседневной жизни практически всех социальных слоев является одним из объективных факторов, тормозящих выход из посттоталитарного состояния.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПАРТИИ - ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ УЛЬТРАЛЕВЫХ ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Коммунистические партии, воспринявшие традиции большевизма и действовавшие в Восточной Европе, по своим структурным характеристикам, по используемым средствам, по идеологическим целям, наконец, по месту в политической системе представляли собой совершенно уникальный общественный феномен. Они существовали в виде государственных партий или партий-государств. Единство, точнее — симбиоз, партийно-государственных институтов, функционировавших в виде гомогенного властного блока, обладавшего монопольным правом управления любой сферой общественной жизни,— такова недавняя действительность европейских стран «реального социализма». Историческая нежизнеспособность, более того — разрушительная мощь государственных партий, является фундаментальной причиной тяжелейших общественных кризисов, поразивших эти страны. Югославский политолог В. Милич с полным основанием констатирует: «У однопартийной монополии есть одна основная неспособность, которая проявляется в том, что она не в состоянии активизировать силы и энергию, имеющиеся в людях. Самоорганизация индивидов в объединениях является предпосылкой активизации и использования сил индивида, а тем самым и сил всех людей»¹.

В настоящее время среди стран, которые относили обычно к мировой социалистической системе, пожалуй, только Куба и КНДР продолжают хранить верность (естественно, каждая по-своему) коммунистической доктрине и государственной партии, основанной на принципах большевизма. В заявлениях Ф. Кастро постоянно подчеркивается мысль, что Куба — одна из немногих стран, которая продолжит защищать социализм, даже если перестанет существовать Советский Союз². При этом коммунистические идеалы кубинское руководство связывает прежде всего с социальными достижениями. Действительно, в некоторых областях (здравоохранении, образовании, пенсионном обеспечении) их нельзя отрицать, особенно на фоне других стран Латинской Америки.

В то же время на Кубе создан типичный образец тоталитарной распределительно-уравнительной модели социализма, тупиковый характер которой проявляется в последнее время особенно отчетливо. Лишаясь привилегий в торговле со своими стабильными, основными партнерами —

¹Милич В. Реформа партии в целях ускорения общественного развития. «Социалистическая мысль и практика». Белград, 1989, № 6—10, с. 63.

²См., например, «Granma, Suplemento especial», 31 die. 1990, p. 3.

СССР и восточноевропейскими странами, на долю которых приходилось 85% всей торговли Кубы, кубинское руководство считает наиболее приемлемым выходом из экономических трудностей введение «особого периода в мирное время». Обратной стороной мобилизационной тактики является укрепление репрессивного аппарата, «повышение бдительности» партийных и общественных организаций, комитетов защиты революции, реорганизация командования армией.

Компартия Кубы продолжает сохранять все черты государственной партии. Она не имеет, по существу, реальной оппозиции. Нелегальные организации правозащитного характера и существующая уже два года социал-демократическая партия малочисленны и слабы. Если вообще можно говорить об оппозиции режиму Кастро, то речь, видимо, должна идти о военных нового поколения, в том числе вернувшихся из Анголы и оказавшихся без работы на родине, и о молодежи, настроения которой характеризуются растущим недоверием и разочарованием в проводимой государственной политике.

Характер преобразований, проводимых в компартии Кубы, вполне традиционен для «партий нового типа». Не случайно поэтому и в условиях тяжелейшего кризиса здесь речь идет не о реформах, а о мерах, призванных обеспечить стабильность тоталитарной системы в условиях режима строжайшей экономии и экономической изоляции. Идеологические установки Кастро не претерпели изменений. Характерно, что глава кубинского государства не считает необратимым политический процесс, начатый в Советском Союзе. Более того, он ищет идеологической поддержки у своих советских единомышленников, которые, по его словам, в отличие от «сил, стремящихся развалить и уничтожить страну, готовых к гражданской войне и мечтающих при поддержке Запада и империализма уничтожить социализм в СССР и все, что напоминает советскую власть и интернационализм, борются за социализм, за спасение идей Октябрьской революции и Ленина»³.

Строго говоря, коммунистические партии, монополично осуществлявшие управление странами «реального социализма», вряд ли вообще можно отнести к левым партиям. Скорее всего их уместно классифицировать как *ультралевые партийно-государственные образования*, важнейшие задачи которых заключались в насильственном свержении старых общественных структур и строительстве нового, коммунистического, общества по жестким идеологическим образцам. Средства и механизм реализации поставленных целей сейчас известны. Это государственное насилие над человеком через тотальное уничтожение его самостоятельности и свободы.

По подсчетам известного исследователя проблем международного коммунизма сотрудника Гуверовского института войны, мира и революции Р. Стаара (США), компартии Восточной Европы потеряли больше половины своих приверженцев: за 1988—1989 гг. международное коммунистическое движение лишилось 8 млн членов — их численность с 90,5 млн в 1988 г. сократилась до 82,6 млн в 1989 году. Потери в рядах компартий Восточной Европы составили: в Румынии (РКП объявила о самороспуске) — 3,8 млн членов, в Чехословакии — 1,3 млн, в ГДР — 1,3 млн, в Венгрии — 735 тыс., в Югославии — 212 тысяч. Оттесненные от власти ультралевые партии сокращались, распадались и лихорадочно меняли названия, пытаясь найти свое место в нише оппозиции. Но десятилетия безраздельного политического господства сделали свое дело: они практически лишились этой возможности.

В чем же заключаются органические пороки коммунистических «партий нового типа»? Почему государственные партии оказались нежизнеспособ-

³ Ibid., p. 6.

собны? Смогут ли посткоммунистические партии трансформироваться в левые партии социал-демократического направления? И возможны ли рецидивы необошевизма в Восточной Европе? Сегодня нельзя дать определенных ответов на эти вопросы, тем более, что сама историческая ситуация еще не устоялась. Ее переходный характер, динамика общественно-политических процессов в этих странах затрудняют исследования и превращают научный прогноз в подобие предсказания. Пока более или менее ясны лишь причины краха государственных партий.

Следует подчеркнуть, что деструктивные процессы в коммунистических и рабочих партиях стран Восточной Европы представляют собой главное звено кризиса самого общества «реального социализма». «Партия нового типа» оказалась самым слабым его элементом в сложнейшей системе воспроизводства жизни. Здесь действие негативных тенденций получило свое полное развитие: идеологический, политический, организационный и морально-ценностный кризисы в коммунистических и рабочих партиях являются следствием объективных и субъективных причин. Не случайно с 80-х годов последовательно нарастал кризис доверия к тогдашним правящим партиям. Именно в этот период они стали вызывать недовольство широких слоев населения. В Румынии и Болгарии «партии нового типа» трансформировались в инструмент семейно-клановой диктатуры. Государственная партия моноцентрического типа (другие названия — мобилизационная, административная, авангардная, этатистская) — центральное звено функционировавшей тоталитарно-авторитарной системы. Ее основными характеристиками были политический монополизм, силовые методы управления, неспособность к внутренней изменчивости и структурной модификации. При отсутствии рынка и развитых товарно-денежных отношений, при идеологической ориентации на высший тип формационного устройства функционирование государственных партий приобретало совершенно особые черты. Исторический опыт Советского Союза и других стран «реального социализма» доказал, что властно-руководящая сила, вобравшая в себя все прочие элементы политической и гражданской жизни, способна работать только в режиме чрезвычайного положения, реализуя мобилизационные проекты. Симбиоз партии и государства как механизм власти оказался лишенным внутренних и внешних стимулов к самообновлению и потому не способным обеспечить ни интеллектуальную, ни ценностно-идеологическую, ни организационно-управленческую функции в обществе.

В этих условиях рационализация индивидуальной деятельности человека сдерживалась не только отсталыми экономическими отношениями, вытекающими из общественно-исторического развития стран Восточной Европы, но и поддерживалась достаточно неподвижной идеологической концепцией. Эти факторы, безусловно, тормозили и тормозят распространение норм и ценностей эффективного, рационального поведения. В конечном счете отмеченные процессы сказались и на обществе в целом, лишили его внутренней мобильности и способности к постоянной модернизации.

ГЛАВНЫЙ ТОРМОЗ РАЗВИТИЯ

Тотальная идеологизация в форме крайне искаженного мифологизированного сознания и связанных с ним ценностей, норм и механизмов привела к деградации структур государственной власти и управления. Именно поэтому начавшаяся в восточноевропейских странах модернизация прежде всего касается радикального изменения места, роли и важнейших характеристик государственных партий. В конечном счете речь идет об их трансформации, демонтаже и вытеснении на периферию политической жизни. Думается, что весьма уместно привести предвидение

Макса Вебера, который в 1919 г. отмечал в письме к Дьердю Лукачу: «Смелый русский эксперимент лишит социализм уважения и авторитета на последующие сто лет»⁴.

«Партия нового типа» неизбежно разрушает элементы гражданского общества. Одновременное функционирование этих общественных институтов невозможно. Поэтому, чем более массовой и фундаментальной становится государственная партия, тем менее значительна роль гражданского общества и тем в большей степени механизм общественного договора уступает механизмам власти, основанным на насилии и страхе. Данная закономерность в той или иной мере прослеживается в послевоенной эволюции всех стран «реального социализма».

Возникает вопрос, можно ли назвать исторический результат деятельности государственных партий кризисом данных образований? Мне кажется, что понятие «кризис» не отражает всей глубины разложения общественных феноменов, получивших название партия-государство.

Государственные партии оказались нефункциональными институтами управления в условиях углубляющейся научно-технической революции. Тонкая регуляция условий, необходимых для обеспечения инновационных процессов в хозяйственной деятельности, смена вариантов рыночного регулирования, наконец, надежная организация экологической безопасности граждан — все это оказалось не под силу «партиям нового типа».

Созданные как властно-силовой рычаг прямого, неэкономического управления, государственные партии в какой-то мере могли обеспечивать экстенсивный тип общественного воспроизводства. В условиях же взрывной динамики научно-технического прогресса, когда возросла потребность в обеспечении вариативности общественного развития, государственные партии стали главным тормозом развития производительных сил. Связь политики и экономики здесь самая прямая: *произошло тотальное огосударствление общества на базе идеологической мифологии*. Рано или поздно такая конструкция должна была войти в глубокое противоречие и с экономической сферой, и с социальной структурой общества. Именно поэтому «партии нового типа» переживают не кризис, а распад. *По своим функциональным характеристикам они, в принципе, не могут обслуживать современное общество*.

Уточним два аспекта этой проблемы. Первый связан с экономическим результатом деятельности «партий-государств». Весьма характерно, что в тех странах, где они «успешно» функционировали, произошла искусственная консервация именно экстенсивных форм экономического роста. Данный тип общественной эволюции сопровождался иррациональным способом втягивания и трудовых, и топливно-сырьевых ресурсов в сферу хозяйственной деятельности, поскольку опирался на неэкономические предпосылки. Как следствие, в экономике данный вариант последовательно формировал структурный кризис. Ни одна из стран «реального социализма» не смогла избежать его разрушительных проявлений.

Второй аспект связан с эволюцией социальной структуры общества. Функционирование государственной партии вело к формированию устойчивой маргинализованной социальной ситуации. Причем маргинальность являлась и, к сожалению, еще долго будет оставаться характеристикой не какого-то одного слоя или класса, а общества в целом. Практически во всех странах «реального социализма» в той или иной пропорции наблюдалось упрощение социальной структуры общества. Данный процесс не мог, разумеется, не сказаться на их возможностях по адаптации к научно-техническому прогрессу. В очередной раз проявилась еще одна закономерность: только гетерогенный общественный субъект способен через

⁴ Цит. по: «Международная политика», 1990, № 995, с. 23.

многообразии форм своей деятельности находить рациональные пути развития.

Рассматривая общие политико-идеологические причины возрастающей технологической отсталости Венгрии и других стран «реального социализма» от Запада, академик Т. Вамош (Венгрия) справедливо указал: «Организации с сильным преобладанием вертикальной иерархии, боясь всяких разрушающих их жесткость решений, путем насильственного вмешательства раздробили горизонтальные связи экономики и общества»⁵. Причем процесс этот произошел на пороге исторического этапа, в котором вследствие воздействия научно-технической революции значение горизонтальных связей возрастает.

Анализ особенностей функционирования государственных партий в странах Центральной и Восточной Европы позволяет сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, всесторонний кризис стран «реального социализма» означает прежде всего кризис определенного типа государственной партии или партийного государства, которое, будучи монополистом, замкнуло на себя все стороны общественной жизни: экономику, политику, идеологию, культуру и частную жизнь человека.

Во-вторых, именно данная структура взяла на себя осуществление властных функций, подмяв и ассимилировав государственные системы управления.

В-третьих, тотальная идеологизация общественных отношений, осуществленная государственной партией, по существу, превратила духовно-политическую сферу деятельности в подобие религиозных мистерий.

В-четвертых, монополюльно-интегральная роль государственной партии в обществе, по существу, привела ее к такому кризису и разложению, при которых даже глубокие реформы собственных институтов и структур не дают гарантий ее исторической жизнеспособности.

В-пятых, кризис доверия к коммунистическим партиям протекал и протекает как кризис власти. Модель «партия-государство» оказалась крайне неэффективной прежде всего из-за своей неподвижности и отсутствия возможностей к самоизменениям.

В-шестых, явная недостаточность темпов внутренней модернизации превращает государственные партии в источники углубления кризисных процессов в обществе. В этих условиях кризис становится стагнирующим, противоречия — деструктивными, а социальные конфликты превращаются в перманентные силовые столкновения. Причем оболочка гражданских конфликтов может быть и национальной, и экологической, и любой иной.

ПРОГНОЗ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Революции 1989 г. в Восточной Европе привели к отстранению от власти государственных партий. В каждой из стран этот процесс имеет свою специфику, и сегодня в политическом спектре этих стран, на его левом, по нашей классификации, фланге действуют наследники бывших «партий нового типа». Что ждет их в будущем?

При прогнозировании перспектив левого движения в посттоталитарных странах важен учет социальных структур, социально-экономических интересов общественных групп и слоев, их ориентации в новой складывающейся системе ценностей. Важно исходить из того, что эти государства до социалистического периода своей истории имели различный уровень развития, разнонаправленную геополитическую ориентацию и различные социальные традиции.

⁵ «Проблемы активизации человеческого фактора на современном этапе социалистического строительства в СССР и ВНР». М., 1987, с. 171.

Так, в Чехословакии исторически средний класс был сильнее и богаче, более тесно связан с низшими слоями, демократичнее, чем в других восточноевропейских странах. Думается, эти традиции сказываются на социально-психологическом отношении к тому среднему классу, который складывается сейчас в Чехословакии. В Венгрии более двадцати лет кадрового реформирования значительно способствовали относительно плавному переходу в новую систему.

Безусловно, на процессы трансформации накладывают свой отпечаток и неодинаковый стартовый экономический уровень, и различия в социальных составляющих общества. Наиболее отчетливо разница в социальной структуре ряда восточноевропейских стран просматривается на примере соотношения численности рабочих и служащих к численности крестьянства. Разброс здесь от 2,5:1 в Румынии до 8:1 в Чехословакии⁶. Причем надо учесть, что в Чехословакии традиционно занятисть в сельском хозяйстве была низкой при наиболее высокой форме его организации.

Однако, несмотря на значительные отличия, процессы, которые идут сейчас в восточноевропейских странах, имеют и общие черты. С социальной точки зрения основным содержанием современного периода является динамичное расслоение общества, проявлявшееся и ранее, но в последние годы приобретающее ускоряющийся характер. Оно происходит на основе складывающихся рыночных отношений и охватывает практически все слои, хотя и в разной степени, которая зависит от включенности этих слоев в рыночные отношения. При этом, естественно, разрушается прежний социальный баланс. Поэтому возможности социальной стабилизации поляризующегося общества будут во многом связаны с тем, удастся ли создать социальный консенсус на новой основе.

Одной из наиболее драматичных социальных проблем на сегодняшний день является безработица. Согласно теории, выдвинутой М. Фридманом, существует естественный уровень безработицы — 6%. До каких размеров дойдет уровень безработицы в Восточной Европе, пока сказать трудно, но уже сегодня прогнозируются цифры, вдвое большие. В условиях глубочайшего экономического кризиса и катастрофического падения жизненного уровня уже сейчас просматривается тенденция к люмпенизации части безработных.

Люмпенизация — одна из серьезнейших опасностей, подстерегающих посттоталитарные общества. Характерные для люмпенов экстремизм и национальная нетерпимость, поиск внутренних врагов и виновников их тяжелого положения, уравнилельные стремления и желание решать социальные проблемы не экономическим, а насильственным путем имеют тенденцию распространяться на все общество. Люмпенизированные слои, лишенные работы и не способные по своим социально-психологическим чертам войти в рыночную экономику, могут стать фундаментом для реанимации ультралевых течений и политических партий.

Распад и неуправляемое разложение левых партий стран Восточной Европы не преодолены. На наш взгляд, в существующих общественно-исторических условиях нет сколько-нибудь серьезных объективных и субъективных предпосылок для быстрой реанимации левых партий. Вряд ли можно считать также серьезным вариантом рождение массовых политических сил на базе марксистского фундаментализма. Хотя, разумеется, трудности структурной перестройки и болезненность утверждения рыночных отношений будут создавать почву для ностальгии (у некоторых групп населения) по социальной защищенности. Вместе с тем в массовом сознании посттоталитарных стран нерыночный проект общественной революции вряд ли будет приемлем. Одновременный переход к рынку и преодоление

⁶ См. Голенкова З. Мобильность и эволюция социально-классовой структуры. «Социальные процессы в социалистическом обществе». Варшава, 1989, с. 52.

глубокого структурного кризиса — процесс, безусловно, конфликтный. Но весьма маловероятно, что он может быть остановлен антиисторической тенденцией, питающейся из такого источника, как марксистский фундаментализм.

Анализ подтверждает, что в данном случае мы наблюдаем специфический кризис определенного типа общества, хотя, разумеется, конкретные формы его функционирования имели различия. Это объясняют и варианты проявления последующих трансформаций коммунистических и рабочих партий стран Восточной Европы. К настоящему времени здесь можно говорить, по крайней мере, о нескольких тенденциях в воссоздании реформирования левых партий.

Первая тенденция выражает процесс постепенного восстановления исторических партий традиционно левого типа. Это, как правило, партии, тяготеющие к ценностям социал-демократии. Причем отчасти такие партии восстанавливаются (отчасти образуются) на базе прежних коммунистических партий. Однако вряд ли можно говорить о том, что сегодня для функционирования подобных партий в посткоммунистических обществах имеются устойчивые предпосылки.

Причины этого ясны: партии с ярко выраженной социальной направленностью набирают силу в условиях нормально и устойчиво работающей экономической системы. В то же время сложности включения рыночных механизмов и структурной трансформации общества могут в среднесрочной перспективе расширить электорат социалистических и социал-демократических партий.

Вторая тенденция связана с радикальными реформациями бывших правящих коммунистических и рабочих партий. Первыми к такой деятельности приступили реформаторы из ВСРП. Следующей партией стала ПОРП, которая приняла решение о самоликвидации. В результате и в Венгрии, и в Польше образовалось несколько партий левого типа. Но вряд ли следует рассчитывать на скорый процесс их реанимации.

Третью тенденцию характеризует эволюционный тип реформации «партии нового типа». Это относится к БСП, КПСС, КПЧ, ПДС, СКЮ. Данный вариант трансформации партии находится под жестким прессингом со стороны и партийных низов, и непартийного населения. Перспективы этих партий особенно трудно прогнозировать. Там, где они остаются у власти, они несут чрезвычайную нагрузку. Причем количественный состав партии вряд ли сможет сыграть роль страхового полиса. Эти партии оказались в исторической ловушке, когда любое решение — уйти или остаться у власти — почти со стопроцентной вероятностью будет ослаблять их. Такова плата за прошлый политический монополизм.

Четвертая тенденция связана с реанимацией ультралевых партий, действующих на основе марксистского фундаментализма. Такие партии существуют в Венгрии, Югославии, Румынии. Думается, их перспектива — быстрое превращение в историко-антикварные феномены. Даже в случае восстановления авторитарных режимов идеология этих партий вряд ли будет строиться на базе большевистского коммунизма.

О пятой тенденции можно говорить с большой условностью, поскольку те процессы, которые могли бы ее питать, еще не вызрели. Скорее, это даже не тенденция, а диффузное промежуточное состояние ряда левых, левоориентированных и левоподобных групп и движений. Они еще не структурировались и не приобрели даже относительной устойчивости и их реакция на общественно-политические процессы, скорее, отражает реакцию на поведение других политических сил, нежели систематически канализирует интересы определенных групп населения. Тем не менее в переходное время такие промежуточные партии имеют шанс трансформироваться в устойчивые общественно-политические формирования.

Хотелось бы коротко остановиться и на вопросе о причинах столь трудной реформации ультралевых тоталитарных режимов. Они прежде всего связаны с многослойностью тоталитарной системы, с ее известной общественной укорененностью. Эта особенность деспотических режимов позволяет тоталитарной системе даже после ухода в прошлое ее наиболее одиозных властных структур и институтов какое-то время и бороться за власть, и оказывать свое идеологическое воздействие на общество.

Эшелонированность тоталитаризма особенно глубока в странах, где в силу исторических и культурно-исторических обстоятельств не были развиты предпосылки демократии и гражданского общества. Особый отпечаток на посттоталитарное общество накладывают также укоренившиеся в массовом сознании установки на аутентичность революционных преобразований. К таким странам относятся Советский Союз, Югославия, Куба.

Есть еще один фактор, накладывающий свой отпечаток на посттоталитарное время. Он связан со степенью жесткости функционировавшего деспотического режима и периодом его существования. Плотность тоталитаризации советского, румынского, в известной мере югославского или восточногерманского обществ были выше, чем венгерского, польского и даже чехословацкого. Именно поэтому в первой группе стран вероятность появления псевдольевых или квазилевых политических движений наибольшая.

Почему существует такая возможность, что ее питает? Дело не только в силе и массовидности прежних ультралевых партийно-государственных структур (хотя их способность к социальной мимикрии наибольшая именно в данной группе стран). Важнейшей причиной, затрудняющей достаточно быстрый демонтаж жестко тоталитарных структур власти, является своеобразие общественного сознания и массовых социально-психологических установок. Их отличают высокая степень эгалитаризма, иждивенчества, пассивности и укоренившаяся привычка к духовной и политической несвободе. Все эти черты не вытекают из национального самосознания того или иного народа или нации. Они представляют собой характеристики именно тоталитарных общественных структур и отношений, но с уходом самих диктаторских режимов умирают не сразу.

Слабости демократических структур и институтов в странах Восточной Европы определяются в значительной степени этими обстоятельствами, хотя и не сводятся к ним. Ведь слабую или слабовыраженную экономическую многоукладность ультралевых тоталитарных обществ также невозможно преодолеть за месяцы. Именно поэтому переход от простоты деспотизма к сложно устроенному демократическому обществу воссоздает промежуточные, маргинализованные политические структуры и отношения, которые очень трудно классифицировать в привычных теоретических схемах.